

лаевич Толстой, поселившись здесь, любил выходить к этой дороге. Он видел тут Россию, как видел ее вокруг себя в окрестных деревнях, зная, что такое сох-ха земледельца и лопата землекопа. Зная, что такое неурожай и голод, нищета и смерть. Он мучительно переживал противоречия мира и истязал себя противоречиями собственными.

А в результате и сам стал миром, космическим измерением человеческого гения.

Едут в его Ясную Поляну отовсюду. Кого только не увидишь здесь, каких только языков не услышишь. Приходят к старому Заказу невесты в белых платьях и белобородые старцы, похожие на него самого. И стоят недвижимо у земли, которая взрастила его, взлелеяла и навсегда осталась его землей, — так, как он хотел.

Родина души? Титанического таланта? Любви? Жизни?

Просто Родина, требующая только одного — того пристрастия, о котором сказал Толстой, с которым он прошел по жизни, по всему белому свету, не уходя никогда отсюда надолго.

И всегда возвращаясь. Через росный луг, через засечные леса, через речку Воронку...

Ал. АВДЕЕНКО.

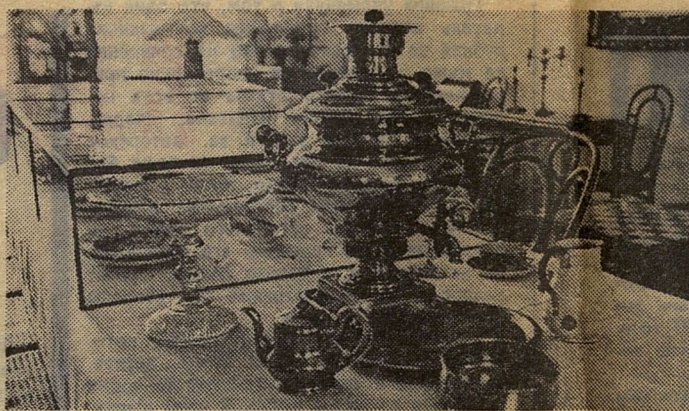
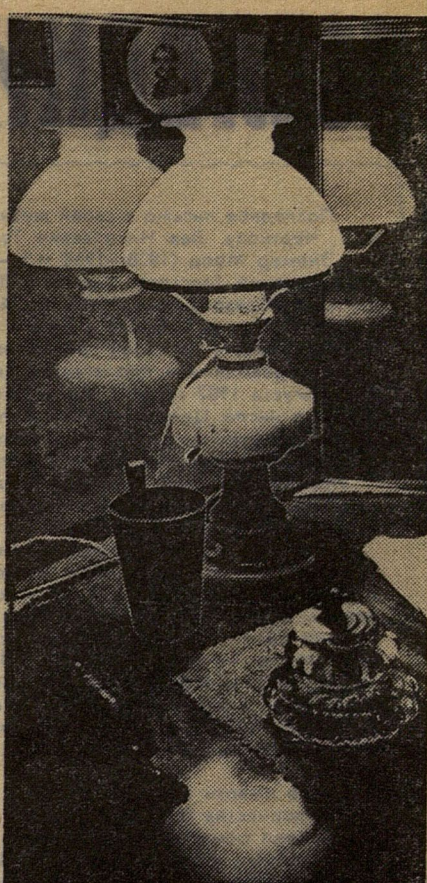
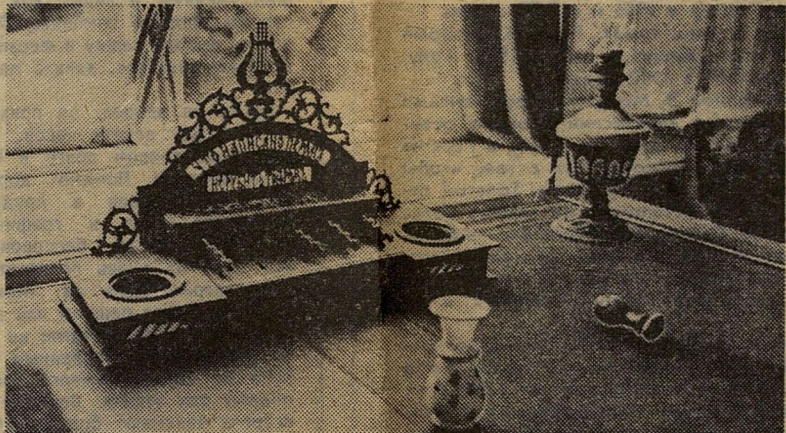

Фото
В. Ахломова.

По этому мосту
Толстой ходил
через овраг,
за этим столом
сидел, в этот
кувшин наливал
воду, в эту
чернильницу
опускал перо,
эту лампу зажигал
по вечерам.
В этом доме жил.
Все в Ясной
Поляне наполнено
присутствием
великого
писателя.

ПИСЬМА О ТОЛСТОМ

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

22 апреля 1908 года мой отец Н. В. Лишев и его сестра — моя тетя О. В. Лишева были осуждены киевским военно-окружным судом соответственно на 6 лет и 4 года каторжных работ за принадлежность к киевской военной организации, работавшей среди солдат отдельного саперного батальона.

28 апреля мой дед — полковник артиллерии Виктор Александрович Лишев, служивший на пороховом заводе в Шойке Черниговской области, написал письмо о Л. Н. Толстому с просьбой похлопотать в Петербурге об отмене приговора. В 78-м томе академического собрания сочинений писателя напечатаны два письма Толстого, принявшего живое участие в судьбе моего отца и его сестры. В письме к деду Лев Николаевич пишет, что постарается сделать все возможное, чтобы облегчить судьбу заключенных. А в письме к члену Государственной думы М. А. Стаховичу Толстой просил о смягчении приговора.

Отцу в смягчении приговора было отказано, а тете четыре года каторжных работ заменили ссылкой в Сибирь. Отец же отбывал свой срок в киевском Лукьяновском центральном, смоленской каторжной тюрьме, а в конце 1911 года за связь с волей был помещен в Шлиссельбургскую каторжную тюрьму, где томился еще два года. После он был отправлен в ссылку в Сибирь, бежал оттуда в Швейцарию, работал строительным рабочим. Там я родилась. После февральской революции мы возвратились на Родину. И до конца дней своих отец работал в горной промышленности. Как драгоценнейшую реликвию я храню «Курс физики», который отец изучал в Шлиссельбургской одиночке. На первой странице книги стоит штамп: «Просмотрено — Шлиссельбургская каторжная тюрьма».

Бежала из ссылки в Швейцарию и моя тетя, также вернувшись в Москву только после революции. Больше шести десятилетий прошло с той поры, но разве возможно забыть о том, что в судьбе совсем незнакомых ему людей такое живое участие принял великий Толстой. Семья наша всегда вспоминала об этом с гордостью.

О. ЛИШЕВА-ПУХТИНСКАЯ,
пенсионерка.

КНЕВ.

70 ЛЕТ СПУСТЯ

Весной 1906 года в дагестанском ауле Ашага-Цините во время национального праздника по трагической случайности был убит юноша. В этом убийстве обвинили Магомеда Эфендиева — тогда пятнадцатилетнего моего дядю. Очень скоро выяснилось, что к этому инциденту Магомед не имеет никакого отношения, но тем не менее он был осужден на 12 лет лишения свободы и выслан под надзор поли-

ции в Тульскую губернию. В уездном городе Крапивна его принял городской голова Юдин, сразу понявший, что прямой и открытый горец не мог совершить преступления, в котором его обвиняли. Юдин хорошо был знаком со Львом Николаевичем Толстым, и вскоре Магомед впервые увидел великого писателя. Толстой заинтересовался судьбой юноши и, узнав, что тот неграмотен, выразил горячее желание обучить его письму и чтению. Юного ссыльного перевели в Ясную Поляну, и уроки ему стали давать Татьяна Львовна, старшая дочь писателя, доктор Душан Петрович Маковицкий, яснополянский учителя. Вернувшись из Парижа, уроки рисования Магомеду преподавал Лев Львович Толстой. А сам Лев Николаевич, следивший за успехами горца, подарил ему массивную чернильницу, с которой дядя не расставался до конца своей жизни и даже никому не позволял брать ее в руки.

После смерти Толстого тульский губернатор вновь отозвал Эфендиева под надзор полиции, но по просьбе Софьи Андреевны Толстой Магомеда взяла на поруки наследница А. В. Суворова Л. В. Хитрово. В ее новгородском имении Кончаковском Магомед прожил до 1916 года, а на следующий год вернулся в родной Дагестан. Он прожил большую и интересную жизнь, начало которой было озарено великой заботой Толстого. Именно благодаря ему дядя узнал грамоту, стал образованным человеком, что позволило ему отдать все свои силы процветанию родного края. В течение долгих лет Магомед Эфендиев находился на руководящей советской и хозяйственной работе, избирался депутатом местных Советов.

Еще в 1908 году по совету Татьяны Львовны Толстой Эфендиев начал вести дневник, в котором коротко записывал все, что видел и слышал в Ясной Поляне. Дневник этот стал основой книги, изданной в 1964 году в Дагестане под названием «Я знал Льва Толстого и его семью».

У дяди сохранились рисунки его детских лет. Конечно, они наивны, но все

же представляют собой известную ценность, так как писаны были с натуры. Одну из репродукций я посылаю в «Неделю». Назвал картину Эфендиев «Первая встреча Магомеда с Толстым около почтовой конторы на железнодорожной станции Щекино». Было это в 1907 году.

Муса ЭФЕНДИЕВ,
журналист.

МАХАЧКАЛА.

СИБИРСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ПИСАТЕЛЯ

Львом Николаевичем Толстым написано о Сибири не так уж и много, но он всегда интересовался этим краем, штудировал книги о Сибири, переписывался с «невольными сибиряками» — политическими ссыльными. Судьба двух его корреспондентов особенно заинтересовала меня, это о них писатель сказал: «Два русских мыслящих человека имели на меня большое нравственное влияние и обогатили мою мысль и уяснили мне мое мировоззрение». Этими людьми были два сибиряка, философы-самоучки Тимофей Михайлович Бондарев и Василий Иванович Ермохин, наши земляки.

Служа в армии, Бондарев высказывал недовольство солдатской службой и жизнью, за что был зачислен в разряд неблагонадежных, а затем приговорен к сибирской ссылке, поселен в деревне Иудино Минусинского округа Енисейской губернии. Здесь, занимаясь сельским хозяйством, в свободное от работы время написал «Торжество земледельца или трудолюбие и туеядство». Рукопись попала к Л. Н. Толстому.

Ознакомившись с рукописью, Л. Н. Толстой заключил, что «труд Тимофея Михайловича Бондарева кажется мне замечательным и по силе, ясности, и простоте языка и искренности убеждения, видного в каждой строчке, а главное по важности и глубине основной мысли».

Лев Николаевич деятельно участвовал в опубликовании рукописи Бондарева. Она была напечатана на французском, а в 1906 году на русском. В одном из писем Толстого к Бондареву говорится: «Книгу вашу на французском языке пришлось на днях. Она осталась в деревне, а я теперь в Москве».

В другом письме Толстой пишет: «Тимофей Михайлович, напрасно думаешь, что книга твоя спорчена. Переведена она на французский язык прекрасно и читается очень хорошо... от души желаю тебе душевного спокойствия. Любящий тебя брат Лев Толстой. 11 сентября 1899 года».

В деревне Иудино крестьяне, желая обучать своих детей грамоте, решили открыть школу, а учителем пригласили наиболее грамотного поселенца Бондарева. Так Бондарев стал учителем крестьянских детей и занимался этим в течение тридцати лет, заслужив внимание и благодарность сельчан.

Советская власть по достоинству оценила заслуги Т. М. Бондарева. Деревня Иудино переименована в село Бондарево. На могиле покойного установлен памятник.

Другой незаурядной личностью, которой интересовался Толстой, был наш земляк Василий Иванович Ермохин, колесник, работавший в мастерской у предпринимателя Алиева в Новониколаевске. Ермохин переписывался с Толстым, бывал у него в Ясной Поляне, посылал ему свои рукописи.

О чем же писал наш земляк в своих трудах? В первой статье Ермохин обвинял царские власти за расправу над восставшими против самодержавия, помещиков и капиталистов, во второй статье он клеймил разврат и разложение в обществе, доказывая, «что человек, отказываясь от земных радостей, может и должен быть чистым и возвышенным...»

Толстой быстро ответил на письмо и рукописи. 13 августа 1910 года он писал: «Прочел с большим интересом ваши две статейки. Особенно понравилась мне о безбрачии. С мыслями, выраженными о смертной казни, я вполне согласен, но в ней нет той цельности, которая есть в статье о безбрачии. Вижу, что мы с вами одних и тех же взглядов, и мне всегда приятно быть в общении с такими людьми».

Поскольку Ермохин проживал в нашем городе, мы решили разыскать его родственников. На Октябрьской улице в одной из квартир мы побывали у потомков Ермохина, встретились с его сыном, 75-летним Степаном Васильевичем, и 73-летней дочерью Марией Васильевной. Оказалось, что Степан Васильевич в свое время с отцом побывал в Ясной Поляне, где гостили они три дня.

Ермохин, работая в экипажной мастерской, вместе с другими рабочими города в 1905 году принимал участие в демонстрациях, ходил на митинги, маевки. На квартире у него была библиотека, в которой имелись произведения Толстого, сочинения по философии, истории. Эта и другая нелегальная литература хранилась в тайнике. Читать ее давал Ермохин только надежным рабочим. Об этом было известно квартальному, который иногда заходил в квартиру колесника Ермохина. Полиция проникла, что у Ермохина хранятся недозволенные книги. Вскоре был произведен обыск. Все книги и рукописи, письма попали в полицию. Много раз Ермохин ходил в участок, пока ему не удалось вырвать некоторые письма Толстого из рук полиции, но многое исчезло.

Мы поинтересовались судьбой рукописей Ермохина, а также письмами Толстого к нему. По словам Марии Васильевны, все бумаги хранились у младшей дочери Евдокии, которая после учебы работала в органах юстиции. Когда началась Великая Отечественная война, Евдокия Ермохина служила в военной прокуратуре Ленинградского гарнизона и погибла во время налета вражеской авиации. Адрес ее квартиры был неизвестен. Погибли и рукописи, и письма.

П. ВОЙТИК,
кандидат технических наук.
НОВОСИБИРСК.